

С начала 1960 годов и далее на протяжении всей творческой жизни Василий Рублёв вел дневники. В них он открывается как теоретик искусства, философ, человек мыслящий нестандартно.

«Алтай» публикует небольшую часть письменного наследия Василия Федоровича Рублёва.

Материалы предоставлены вдовой художника Маргаритой Соколовой.

Джакометти в конце пути сказал: «Главное — индивидуальность!».

Здесь я смеялся и говорил, что свое, что индивидуальность — это последнее, а не главное. Искать свое — потерять его. Забыть себя — стать индивидуальностью. Если Джакометти имел в виду это, то главное — индивидуальность. Но это результат. Путь же к индивидуальности — полное самоотречение. Поиск своего лица — это смерть. Тут действительно станешь менять руку (Древин похвалился, что он сменил руку).

Вспоминает ли он как грубость мой выпад: «Не руку надо менять, а голову!»

Очень красивая мысль была у Древина, что порой работа отрицает то, с чего начал автор. Работа, скульптура хочет жить и для этого отталкивает автора!

Но это чудесное наблюдение заслоняется у него твердым убеждением, что ничего высокого не было создано в искусстве, если художник не движим идеей. Эти слова и я принял бы, заменив слово «двигаю» словом «озарен», но и то одной идеей.

Он говорил, что каждая работа должна нести свою мысль. Скульптура должна быть задумана как олицетворение.

Мы же с Квасовым пришли к выводу, что говорить стоит только о том, о чем сказать нельзя.

Всегда то, что хочешь сделать, становится никчемным рядом с тем, что случается само. В любой скульптуре, если она живет, самое худшее то, что пытается сказать автор.

Если же скульптор добился поставленной задачи, он убил скульптуру, он выразил тему, но захлопнул весь мир. Скульптура должна выразить бесконечность, живопись должна выразить бесконечность.

Выразить принесенную мысль скульптуре легко, только это уже не будет скульптура. Когда возникла мысль, захотевшая стать в облики скульптуры, тут уже скульптор не нужен. Тут ну-

жен кукловод. Подвигать ручками, ножками, даже балетное «па» изобразить, чтобы всем понятно стало, о чем речь!

Нет, искусство должно вернуть человеку тайну. Когда все ясно, и человеку ничего не мерещится, можно вешаться.

15.01.79

Пишу... теперь каждый день.

Головой всему — начало! Не продолжать работу, а всегда начинать, только начинать... и даже «заканчивать» началом!

Форму брать минимально сделанную, едва родившуюся, ничуть не заботясь о законченности. Не переход к другой форме устраивать, а отчаянно обрывать одну и брать другую форму. Чем грубее и непосредственнее большая форма захочет сказать о сумме впечатлений от природы, тем лучше!

16.01.79

Люда говорит, что когда рисуешь, разве ставишь задачу? Я хочу только одного, как бы взять! Вот как бы ухватить!

Какова все-таки задача? Уже не о рисунке. Наверное, не останавливаться. Двигаться, двигаться. Помнить. Помнить, что открывается не всем. И если тебе открылось, не забывай, не бросай, копай постоянно.

Усердие ни к чему. Внимания достаточно. Прикасайся! Пусть движется мысль. Пусть ширится, растет!

17.01.79

Главное — зарождение мысли. Надо устроить так свою жизнь, чтобы процесс был постоянным.

Культура — это понимание мысли как единственного локомотива человечества.

Бездеятельность человека — это верный признак того, что он не ценит мысль, не доверяет ей.

Да и, как следствие, мысль отупевает! Это невежество — не действовать!

Глупо делить мысли на большие и маленькие. Новая мысль всегда безмерно велика.

Организм не сможет чувствовать радость, пережевывая мя-

кину уже известных истин. Родить же мозг может только новое, небывалое.

Небывалое дважды родиться не может!

Только так: отлаженная работа мозга, только работа, рождающая новую мысль, не утомляет, а наоборот, освежает.

Работал безлико, бездушно. Что-то не включается. Но как бы то ни было, работа (эскиз скульптуры «рабочего») ладится вопреки ожиданиям, даже слишком быстро пришло то, что надо. Может быть, это схема, а сама сладость начнется при углублении в пластику.

Сделал два рисунка с Тани-матрешки. Оба ничего. Но все туда же, в красоту, закругляются. Этот сложный недостаток никак не изжить, не знаю, как и подступить к этому.

Писать очень хочется. Краски начинают волновать.

19.01.79

Сегодня я с Квасовым и с Опарой говорил о том, что мы не должны, следуя своим путем, жестко судить других, кто не идет с нами. Надо к тому же быть внимательным, особенно, когда дело идет об утвердившихся в общественном мнении произведениях. Уже поздно ругать «Аленушку» Васнецова, а еще и стыдно. Если та ветвь искусства, где выросла «Аленушка», уже засохла, то это не значит, что она не была живой.

Идя к одной цели — совершенство разума, человек будет варьировать и варьировать методы отражения жизни. Многообразие, которое можно предположить, не исчерпает многообразия, которое предложит реальная жизнь. Мы же, увидев свою ниточку, не замечаем, что так же прочно за свою держится каждый думающий и чувствующий.

22.01.79

Вредными знания никак не могут быть. Чаньское «знание без знаний» означает только, что творец должен творить без знаний. Творить — создавать новое. Знаний же, чем больше, тем лучше! Зачем? А так, для шевеления мозгов. Знания не понадобятся, понадобятся мозги, раскованные постижением, усвоением знаний. Только такие мозги, такой разум нужны.

Такой разум сможет и все выбросить из головы, он гибкий, рабочий. А у кого сил не хватило много узнать, у того мозг дубовый, он сможет только держаться за то, что знает, он никогда не расстанется со знанием! Нам нужна пустая голова, чистое сердце!

Я говорил, что одна задача у человека: себя создать как творца радости. Только радостный человек нужен людям. Только радостный, сияющий человек создает ценности действительные, только он не ошибается.

Радость, счастье — это долг человека, его обязанность... и единственная возможность быть человеком.

29.01.79

Умения бывать художником можно добиться, тренируя себя не в ремесленной части своей работы (что тоже надо тренировать), а в творческой. Надо добиваться озарения. Путь только один — быстрый набросок, фиксирующий эти мгновения.

18.12.81

Вчера Миронова окучивал, опутывал, заводил в дебри высоких, глубоких, таинственных мыслей.

Он пытался отгородиться тем, что были и такие, которые просто жили и вкалывали. После них осталось искусство не менее высокое.

Я сказал, что те времена кончились. Появился художник. Хочешь или не хочешь. Он заменил собой богослова, жреца, святого. Он за все отвечает. Он за всех отвечает. Он продолжает пути.

7.04.82

Автопортрет. Я не рисую портреты потому, что опасаюсь подозрений в неискренности. Мне всегда говорят, что я делаю людей красивыми. Мне еще не верят. Не верят, что я вижу людей красивыми.

Мне не хотелось никогда льстить, как не хотелось быть и судьей. Рисовать человека для меня — это значит проявлять свою любовь к нему. Тактично ли это? Да и кто поверит, что я люблю всех?

Вот и появляется автопортрет. Пусть люди скажут, что я лю-

блю себя. Это так. Ведь я тоже человек. Один из тех, которых я люблю. Пусть только каждый почувствует, что, рисуя себя, я рисую и его.

Какая разница, кого я рисую, ведь я уже сказал, что, рисуя человека, я обнаруживаю свою любовь к нему, а скорее, ко всему миру.

Почему я не напишу портрет, настоящий портрет, красками, в раме большой? Меня удерживает чувство, что я никогда не смогу сделать это добросовестно: никогда не проникну в суть. Никогда не раскрою всей глубины портретируемого. Наконец, я никогда не ухвачу настоящего сходства. Я не поверю даже огромной сумме впечатлений, потому что оценивает эту сумму все равно — мгновение.

Вот почему я боюсь законченной работы. Я боюсь настаивать, боюсь утверждать.

Вот когда я преодолею раму, как символ печати, как символ непогрешимости, настоящности...

Вот когда люди позволят мне не стоять у своей картины, оправдывающимся, извиняющимся.

Когда они поверят мне, когда они каждый мой набросок назовут картиной и вставят в раму, тогда я осмелею и сделаю портрет красками. Конечно, я назову его «набросок».

14.04.83

Работать, трудиться — это естественное состояние нашего тела. Радость — признак правильной работы, т.е. работы, в которую включен весь организм, используются все его связи с космосом.

Мы страдаем от работы потому, что смотрим на нее как на обузу, а не на освобождение, не на возможность включения в естественное, необходимое состояние.

Гессе утверждает, что человек полный — это тот, который и действует, и размышляет. Ему, мол, не интересен ни великий деятель, ни великий созерцатель.

По мне — ни тот, ни другой, ни третий. Интересен человек чувствующий. Интересен человек ликующий. Интересен мне человек, с восторгом вдыхающий всю жизнь. Человек внимающий. Воспринимающий.

И пусть тогда он будет какой угодно деятель, какой угодно созерцатель. Это — человек счастливый.

Органы чувств — это бездарные поводыри великого Гомера. Глаза подсовывают нашему внутреннему взору все подряд, но видит не глаз. Глаз напоминает, с чем можно бы связаться потеснее в этот миг, и тело с жадностью ощущает: «Вот чего мне не доставало» и настраивается на волну дерева, листа, света, цвета...

В основе искусства живописи лежат свойства нашего глаза, нашей психики, нашего мозга, видеть и запечатлевать Портрет, несущий в себе образ.

Портрет — это Форма. Образ — содержание.

Попытки заставить говорить изображение — точнее, деформированное, стилизованное — бесплодны! Только Образ как память души способен оживить портрет. Душа помнит только очарование.

14.06.82

Есть взгляд бухгалтера.

Есть взгляд восторженного зрителя.

Есть взгляд, обнаруживающий форму.

Взгляд мертвеца.

Взгляд верующего.

Взгляд реалиста.

Тьма, тоска, боль.

Поэтическая грусть. Слезы восторга. Яростное сияние света. Радость.

15.06.82

Игра на флейте возвращает в несколько минут «колористическое зрение». Только что я ничего не видел в своем натюрморте, а точнее, видел пакость.

Две минуты игры — и вот душа раскрылась цветам.

24.06.82

Если цель не достигается мгновенно, значит, мы думаем не о том.

Если бы был возможен прямой путь, весь мир распался бы.

Кратчайший путь через бесконечность — путь вокруг.

25.06.82

Нельзя ожидать, когда придет момент и я овладею полным знанием какого-то предмета.

Надо знать, что всякого знания достаточно. Любое знание освобождает. Только то знание закабальет, которым ты надеешься овладеть.

И еще: если я освоил или присвоил, приобрел или открыл новый прием или даже новое восприятие, то необходимейшим условием обогащения является скромное присоединение нового к сумме старых понятий с полным осознанием расширения своих возможностей. Чаще случается обратное: новое становится кумиром, старое забывается или отвергается напрочь, в результате — обеднения.

Способность теплеть, меняться, уступать — признак живого мастерства. Непреклонность, заскорузлость, окостенелость — явные признаки умирающего или мертворожденного.

9.07.82

Добиться ощущения, постоянного чувства, что мое любое действие — действие космическое.

Это так на самом деле. Без этого все — бессмыслица. Да к тому же я без этого чувства вообще не имею желания жить. Я хочу, чтобы эта мысль и это чувство предельной значимости любого шага никогда не покидали меня, даже во сне.

10.07.82

Теперь мне видится, что не задалась моя жизнь прежняя только потому, что я не мог приступить к живописи; что не зацвели во мне краски.

Я ли виноват? Или не мог приступить, что не цвели цветы?

Вчера вечером, впервые, закрыв глаза, я купался в ласковых темных цветах. Весомое, ладное, обильное чувство правды, настоящей жизни... Вот так, сразу, со всей полнотой. А разве можно наполовину?

И как я должен поддержать это ВИдение? Вниманием. Только вниманием. Не надо суетиться. Если пришли цвета, то значит, я к ним шел.

18.07.1982

Истинная радость и счастье от все ярче и быстрее разгорающегося мира, расширяющейся с каждым мгновением вселенной, чувствуешь способность не возражать на любые уничтожающие упреки: да, мал; да, низок; да, туп; да, ленив; да, болен; да ...

Потому что, благодаря все человечество за неустанные усилия по поддержанию огня, удивляясь своему подвигу на этом пути, я твержу о себе: да, я велик; да, я высок в помыслах; да, проницательность моя не уступает ничьей; да, неусыпность моих трудов вряд ли кому по плечу; да, здоровье мое под стать силе духа моего могучего; и... да, никто так не унизил себя, не умерил свое Я до бесконечной малости, как это смог сделать я.

Максимализм мой, заключающийся в требовании любви и только любви, свойственен каждому.

Только, наверное, не у каждого хватает сил терпеть это требование. И не у каждого хватает веры, что это требование разумно, что это требование исполнимо.

Тупость моя затянувшаяся, мое созревание — от остроты восприятия, которым был награжден природой.

С легкостью скользил по поверхности всех предметов, схватывал все на лету. Как можно научиться усердию, если все дается без усилий? А без усердия не проникнешь вглубь, даже поверив, что глубина существует.

31.07.82

Записать мысль надо прежде, чем она стала твоим опытом, твоей обыденностью. Надо ухватить ее за хвост, когда она впервые мелькнула перед тобой. А потом будет еще мысль. И снова не жди, когда она окрепнет. Окрепнув, она покинет тебя. Ты ее сам забудешь. Она уже перестанет быть мыслью. Она станет твоим воздухом. Мысль — это догадка. Мы сильны опытом, но живы — мыслью.

Не углубляясь в смысл искусства живописи, хочу заметить, что во мне крепнет яркое чувство пространства, рождаемого красками.

Рисунок обозначает пространство логически, для разума.

Краска же создает импульсы, будящие все наше существо,

внушающее ощущение реальности происходящего, рождение переживания чуда... Чудо это — в прорыве плоскости холста, в любой его точке.

Краски, умело положенные, сознательно устроенные художником, должны дать глубину, иллюзию толщины, прозрачности. Неважно, что они изображают: глубину неба или блеск и плотность металла. Глубина цвета необходима. В первом случае взгляд провалится в бездонность неба, в другом случае, прежде чем наткнется на крепость бронзы, ощутит слой пространства перед ним.

Даже угольный или графический рисунок не могут зачастую обойтись без сознательной или интуитивной растушевки, без изменения плотности и фактуры штриха, который создает глубину для наших тончайших чувств.

5.08.82

Искусство передачи чувств — вот что мы подразумеваем под колдовством искусства. Когда же сами занимаемся искусством, забываем о чувствах и передаем все что угодно, загромождая, засоряя бедную голову зрителя, слушателя, читателя.

8.08.82

Крайнее обобщение в искусстве должно привести к индивидуальному, к портрету.

Нечего надеяться, что можно изобразить что-то другое, чего не видели греки или Рафаэль. Надо радоваться, если мы хоть частичку того, что видели они, увидим не хуже их.

Искусство развивается делением, как размножается клетка.

Как только чуть-чуть «нажал» — так и потеря — и целого, и характерного. Целое — в характере, характер — в целом.

21.08.82

Мы часто, как дятлы, стучим, стучим... азарт голодного движет нами или забота о здоровье леса (какой из дятла заботчик?).

Веселый азарт или унылая забота. Все это к творчеству никакого отношения не имеет.

Гурьянов кричал, что это наброски, а не рисунки. Людя К. пыталась возвысить мои наброски до рисунка, спасая их от унижения.

В глазах профанов только основательность одежды — признак достоинства человека.

Рисунок мешка с картошкой их устроит больше, чем набросок парящего в свободе духа.

28.08.82

Если после всех моих страстных призывов проснуться, воскреснуть из мертвых, окажется, что я один только и был мертвым, я не огорчусь.

Пусть я стану последним самым маленьким из живых, но я не мертв!

Пусть после всех моих живописных потуг окажется, что я вскопал пока что не на вершину, а выбрался из ямы ... я все-таки обрадуюсь.

Как трудно одному в пустоте, в темноте.

Мой труд — помочь тому, кто в яме.

Тонкость не ради тонкости. В тонкости, только в тонкости проявляются свойства цвета.

Потому не должна возобладать ни экспрессия линии, ни яркость формы, ни острота характера, ни битва цветов. Достаточно всего чуть-чуть, а больше того — лишнее. Пространственная игра цвета, вкус к этому пространству и есть та мера, тот самый вкус, диктующий меру всему.

Чудо пространства! Я тобой овладеваю!!!

Потереть пальцем, вымаранным в сангину, потереть по белой бумаге — и провалишься в бездну.

Несколько штрихов портрета — и рыбка на крючке. Поймалась!

Рыбка — я и рад — до смерти.

2.09.82

Люди чуткие радуются грубости нежных людей и питают отвращение к тонкостям тупых и грубых.

16.09.82

Идею не жевать!

Мысль не использовать.

Это только кажется, что пространство стоит на месте. Даже

это кажущееся постоянство пространства достигается огромной энергией, бесконечным движением, огромными скоростями, постоянными изменениями.

19.10.82

Еще раз напомнить себе: в основе искусства — творчество народа, художник отражает не просто жизнь, а это творчество. Художник проникается (в меру своей чуткости) жизнью народа в той степени, в какой осознал ее как творчество.

Новое таится в старом. Растет из старого. Беспомощно и вообще невозможно без старого.

Чистота и сладость возможны только в грязи и горечи. Искать не где-то, не когда-то, а здесь и сейчас.

Утверждать не идею, не цель, а жизнь, а момент, а сущность.

20.10.82

Не победить, но участвовать. Забытый лозунг. В искусстве, даже в искусстве, приветствуются, почитаются только победители. А у того, кто не имеет надежд быть победителем, скрипка или кисть вываливается из рук.

А трезвые головы говорят: брось, ты в этом искусстве ничего не достигнешь, т. е. ни славы, ни денег.

Художник предлагает новую модель действительности, живую модель.

26.10.82

Каждый человек имеет свою модель мира. Не ради соревнования художник выпячивает свою впереди всех, а в надежде, что все узнают в нем свою модель и обрадуются. Потому что общение в Едином — это и есть то, что мы называем счастьем. В окружающем я признаю только себя, все остальное — отвергаю. Узнаю себя.

Когда ни на что не похоже, когда не похоже даже на себя... только тогда мы говорим — правда. Только тогда мы говорим — красота.

27.10.82

Краски в жизни и краски в живописи — это очень разные вещи. У того, кто взялся за кисть, нет права быть мертвым.

27.12.82

Отодвигаю в будущее все, что тяготит. А надо отодвигать в прошлое.

29.09.82

Любое знание должно быть одухотворенным.

Если этого нет, то, в лучшем случае, оно не удержится в голове, но чаще его туда запикивают и его удел — быть мусором, путающимся под ногами!

15.04.83

Правда ускользает. Неправда лезет в глаза.

Что может воскресить меня?

Что может соединить все мои достоинства в живой организм?

Где живая вода?

Я не умею еще не выделять себя или кого-нибудь другого, кто должен стать рядом со мной, из того сияющего мира, который открывается мне потихоньку.

Выделяя же, отторгаюсь от того сияния, становлюсь такой малой, темной малостью, что ненавижу себя.

Всякое выделение — смерть. Извлечение из целого губит прежде всего того, кто осмелится нарушить целое.

22.09.83

Можно сказать, что новое — это характерное, выразительное. Если художник не видит новое, он цепляется за характеры и выразительность других художников, отчего становится несовременным.

Видеть новое, небывалое — это и есть быть художником.

Несовременный художник — не художник.

Когда произведение искусства — недостатков нет. Все прекрасно в целом, и нет надобности выделять какое-то качество или деталь. Когда поделка — тогда мы можем отмечать множе-

ство достоинств художника, выделять красивые детали и... и сожалеть, что чего-то не хватает.

1.02.84

Мы живы только фантазией.

Наша печаль и скука — не признак бедности нашей фантазии, фантазия не может быть бедной, фантазия и есть сама жизнь.

Наша скука — попытка жить без фантазии, жить проще, дешевле, без забот, без тревог, без затрат физических и духовных.

Жизнь без фантазии — это жизнь с распущенной волей.

11.02.86

Мой большой рельеф — «Страдания»! «Страдания человека», «Страдание».

Я не буду уходить в кусты!

Моя душа вскипела, непрерывным гейзером рванулась кипящая струя! Ее уже не удержать! Итак! 100 квадратных метров! Или 200? И это все для декора!?

До каких пор моя душа, жаждущая страданий, страдающая душа будет изображать себя счастливой?

Я изображу страдание! Я воплощу свое страдание!

13.02.86

Как-то показывая Конькову рисунки, я услышал: «А без цвета я ничего не вижу». Как это хорошо!

Без цвета, как работал я, и долго работал, может только мертвец. В момент поиска формы можно не видеть цвет. Но показывать этот рисунок или скульптуру другому, значит расписаться в бесчувствии.

Недавно пастелью сделал два портрета в открытку размером. Ваня Тимуш. Так согрел свою душу! Цвет, аромат солнышка, тепло...

3.05.87

В голове художника идея живет смутно, не конкретно, но эмоционально определенно, ярко, жгуче. Обозначается просто:

Я — художник,

Жизнь — прекрасна,

Человек — божество.

Мастерство, которого хочет достичь художник, должно быть не просто освоением каких-то приемов, пусть даже невероятно сложных технических достижений; мастерством должно быть открытие новых идей, больших горизонтов.

Мастерство предполагает устройство всего уклада жизни художника, направленного на служение искусству.

Есть что-то особо ценное в эстетическом восприятии значительных идей, выраженных технически слабо оснащенной, не мастерской рукой. И особо отвратительны пустота, бездушие и холод, когда видишь холст опытейшего, уверенного и «блестящего» мастера.

***

Кажется, что нет более чистого, более безупречного взгляда на мир, чем взгляд К. Моне. Это чувство подкрепляется логическими доводами разума. Но бессознательное чувство и ищущий ум спрашивают правду у Матисса, у Рембрандта, у Ван Гога.

***

То, что в музыке называется грамотой, то у художников должно быть и есть построение пространства, ритма; изучение анатомии, пропорций; цвет, тон, гармония и мелодика, пластика, колорит, краски, фактуры и т. п.

Поголовная безграмотность держит всю массу художников на «азах». Проблема мастерства сводится всего-навсего к пониманию вокруг грамоты. О вИдении мира, об артистизме мечтать могут — только лишь мечтать — самые отважные.

***

Жую, живу, переживаю;
дышу, вздыхаю, издыхаю,
мелю, молюсь и умиляюсь.

***

«Прекрасное». Разве может быть степень у «Красоты»?

***

Тупость художников порождает тупость зрителей.

***

Одного художника достаточно, чтобы разбудить нацию.

***

Цвет меня не интересовал, не волновал, пока я не увидел его как пространство. Теперь для меня страсть и цвет — синонимы.

***

Рисунок — это конструкции, леса, это стройка, это колонна, это башня, соединяющая Небо и Землю.

Можно выстроить здание до Неба и не знать — зачем. Выстроить храм, чтобы плевать потом с Неба на Землю. Или плюнуть в Небо. «Мы строим храм».

«Я строю храм», — сказал один строитель. «Зарабатываю на хлеб насущный», — сказал другой. Третий простонал: «Такова наша тяжкая доля — гнуть спину!»

Храм нашей души. Храм для вознесения своей благодарности и любви.

***

Ностальгия. Благородное название болезни, которую надо называть отсутствием души. У нас ностальгия не только по Родине. У нас ностальгия по Любви, по хорошей работе, по хорошей природе, по хорошей погоде.

Ностальгия — это тоска.

А любовь — это любовь. Это когда душа на месте.

***

Исправляет ошибки всегда тупица.

***

Рисовать — это наслаждаться формой. Без наслаждения нет искусства. В наслаждении искусством — живой родник силы.

Не оторвешь от работы художника, познавшего наслаждение творчеством. Не спешит художник. Он не достигает, не добивается, он доволен полнотой и счастьем работы.

***

Новое появляется не тогда, когда я отсеиваю: это было, это было, а вот это новое.

Новое — это момент правильного, непредвзятого взгляда на мир.

Небывалое — это радостный взгляд окрыленного свободой художника.

Свобода даром не дается. Зато когда увидел, делать больше нечего; тут даже бояться, что не возьмешь, что испортишь, не надо. Как бы плохо ни вооружен, твоего мастерства будет достаточно. Высшее мастерство — это увидеть.

***

Образ не осознан, не открыт, пока мы не можем ничего унести как память сердца.

***

У всякого дела только одна мера — радость. У всякой формы только одно качество — полнота.

***

Как я хочу быть в форме! Как не хочется проскочить мимо величия духа великих испанских живописцев!

***

Если все потускнело, потухло — не действуй, замри!

***

Разве я не способен, взяв в руки кисть, стать еще раз творцом? И еще раз!